

Россия надевает хиджаб

На Кавказе Российское государство столкнулось с новой нормативной системой, с которой оказалось не в силах соперничать

Этот материал вышел в № 32 от 28 марта 2018
Ольга Боброва, редактор отдела спецрепортажей

Несколько лет назад мы в «Новой газете» затеяли проект, в рамках которого собирались обобщить магистральные процессы в развитии российского Северного Кавказа. Ведь про Кавказ среднестатистический житель России вспоминает, как правило, в связи с какими-нибудь ЧП, этот регион был и остается вне общероссийского смыслового поля. И это плохо, поскольку именно Кавказ нередко обеспечивает нашей Родине крутые повороты судьбы.

Мы выбрали для исследования три республики: Дагестан, Ингушетию и Чечню — те, в которых мы работаем, которые хорошо знаем. В этой выборке был и другой, строго научный, смысл. Дело в том, что именно в этих трех субъектах наиболее отчетливо заметны процессы исламизации, которые и составляли предмет нашего изучения. Мы решили попытаться ответить на вопрос: как укрепление религии в данных республиках сказывается на миропонимании людей, на их представлениях о должном, о желаемом, о будущем.



Фото: РИА Новости

«Северный Кавказ: взгляд изнутри» — так мы назвали этот проект. Чтобы обеспечить нашему проекту научную состоятельность, мы привлекли видных исследователей

Кавказа — Дениса Соколова и Ахмета Ярлыкапова, а также социологов из ЦИРКОНа. Однако еще в ходе работы нам стало понятно, что тенденции, обнаруженные нами, характерны не только для республик Северного Кавказа, но и для остальной России: для Поволжья, для Сибири, для городов-миллионников. Речь идет о будущем России.

Теория бритых бород

Начиная разговор про Кавказ (и конкретно — про наши три республики), мы должны понимать, что каждый человек, живущий там, одновременно пребывает в юрисдикции сразу трех нормативных систем. Во-первых, это адат — то есть обычное право, бытовые традиции, на протяжении всей истории Кавказа выполнявшие функцию общественного регулятора.

Во-вторых, это нормы универсального для всей страны светского права, которые системно начали внедряться на Кавказе лишь после становления советской власти.

В-третьих, это законы шариата, которые особенно широко распространились после развала Советского Союза, с началом исламского ренессанса.

В Дагестане ислам имеет древнейшие корни — он пришел сюда в VIII–IX вв., с арабским завоеванием. Вместе с тем история ислама в вайнахских республиках — Ингушетии и Чечне — насчитывает всего около трех столетий. До середины XVIII века верования местного населения носили синкретический характер, здесь проповедовали миссионеры разных религий. В горных районах политеизм был распространен вплоть до середины XIX века. Действительный прорыв ислама был связан с военной экспансией Российской империи. Непобедимый Шамиль был родом из селения Гимры, ныне — Унцункульский район Дагестана, и он был истовый мусульманин. Ислам и стал тем объединяющим фактором, который позволил представителям разных, нередко враждующих народов и родов объединиться и довольно длительное время противостоять регулярной армии.

До прихода ислама главным регулятором общественных отношений на Кавказе служил адат, т.е. обычное неписаное право. Но и с приходом ислама адат не умер. Свернувшись в единый клубок, нормы адата и шариата пережили даже годы советской власти и тяжелейшие драмы в судьбах народов.

Ислам, закрепившийся на территории нынешних Ингушетии, Чечни и Дагестана, в основном был представлен суфийским течением, и именно суфизм впоследствии получил здесь значительное распространение.

Суфизм — древнее мистическое течение в исламе. Суфизм предполагает деление верующих по тариқату, т.е. способу отправления культа. Тариқаты — это братства, сплоченные вокруг авторитета их лидера-шейха. Родоначальники тариқатов являются реальными историческими фигурами с реальной биографией; они почитаются в

качестве святых, их жизнеописания — это, по сути, героические культы, хранящие в себе многие отголоски адата.

Для суфизма характерны экстатические практики, как, например, священный танец Зикр, посредством которого достигается единение молящихся с Богом.



Фото: PhotoXPress

В целом в современном исламе суфизм — не самая широко представленная ветвь, однако именно в такой форме ислам на Кавказе благополучно пережил столетия.

Падение Союза, открытие границ привели к стремительному росту интереса к религиозному образованию. Молодежь потянулась в крупнейшие исламские центры — в Египет, на Ближний Восток. Главное, что молодые люди привезли обратно, — это понимание того, что ислам, исповедуемый на родине, очень отличается от того, что преподавали им. Вдруг многие пришли к мнению, что почитание шейхов, составлявшее основу веры их отцов и дедов, — это язычество; что ритуальный танец Зикр — сомнительная оккультная практика. Резко обособившиеся «новые» верующие вскоре привлекли к себе внимание правоохранителей: двухтысячные годы отмечены острым противостоянием между «ваххабитами» и силовиками. В Чечне, Дагестане и Ингушетии, по сути, шла настоящая гражданская война, было пролито много крови, и хороши были, надо сказать, все участники этой войны. Зачищая «ваххабитов», силовики руководствовались исключительно формальными признаками, отличающими «новых» верующих, — особым образом бритая борода, например, или короткие штаны. Однако и «новые» верующие давали поводы искать логическую взаимосвязь между способом бритья бород и последующими шахидскими выходами.

Время все расставило по местам. Сегодня людей, приобщившихся к исламу в его «зарубежных» вариантах, настолько много, что с ними невозможно не считаться. Чернушный штамп «ваххабизм», к месту и не к месту применявшийся критиками «новых» верующих, потихоньку вытеснило новое понятие «салафийя» (хотя и о его значении тоже мало кто задумывается).

Где-то (как в Ингушетии) власть начинает с этими людьми аккуратный диалог, где-то (как в Чечне) молодежь, верующая «по-новому», наоборот, вынуждена мимикрировать под «разрешенное». Лакмусовой бумажкой стала война в Сирии — ни для кого не секрет, что кавказская молодежь уезжала в халифат целыми семьями, с детьми. Уезжали не самые бедные, не самые необразованные. Но зачем?

Очевидно, Кавказ переживает серьезнейший процесс трансформации, которая к тому же развивается стремительно, буквально на наших глазах. Но как ее можно пощупать? Где проступают признаки этих изменений? Мы решили: их надо искать там, где человек не боится быть самим собой. В самом безопасном месте. В семье.

Как «светскость» уходит с Кавказа

Эмпирическую базу нашего исследования составили 147 формализованных интервью жителей Дагестана, Ингушетии и Чечни, в возрасте от 18 до 25 лет, от 26 до 45 лет и старше 45 лет. Мы намеренно проектировали исследование так, чтобы охватывать своим опросом все три возрастные категории (младшую, среднюю и старшую) внутри одной семьи.

Мы расспрашивали наших респондентов о повседневных вещах. О еде, о праздниках, о традициях, о моде — одни и те же вопросы мы задавали представителям разных поколений. Наша задача была найти (или не найти) разницу в реакциях молодежи и тех, кто постарше. И по многим вопросам эта разница оказывалась весьма заметной.

Вот, например, у нас был такой вопрос: «Как вы относитесь к многоженству? Допускаете ли такую модель семьи для себя, своих детей?» Ответы на этот вопрос обнаружили четкую возрастную корреляцию: представители старшего возраста высказываются за единобрачие гораздо чаще молодых. 52,2% участников нашего опроса старше 45 лет представляли для себя возможной только эту модель отношений, еще порядка 17% высказались «скорее против» многоженства. Лишь около 10% опрошенных в этой возрастной категории приветствовали многоженные браки. Самые типичные суждения тяготеют к светским (и советским) представлениям о семье и браке:

«Я с одной живу. Я не Дон Жуан. Она умрет, все равно я не женюсь. Я ей говорю: «Пока твое платье висит в шифоньере, я буду на него смотреть».

«Я не хочу жениться на второй, на третьей, потому что, вы знаете, это все-таки семью утрирует. Но подходы разные бывают».

При этом респонденты среднего и младшего возраста смотрят на многобрачие с большим одобрением и чаще находят его предпочтительным сценарием для своей жизни (21% и 26% соответственно).



Инфографика: Алексей Комаров/«Новая газета»

Интересно, что пожилые респонденты, демонстрируя большее тяготение к традиционной моногамной модели семьи, нередко вспоминают о многоженных семьях своих предков. Можно предположить, что такая традиция была укоренена в кавказских обществах на уровне адата, однако в советское время находилась в спящем состоянии в связи с административным давлением. Теперь же, когда светские общественные институты оказываются слабее исламских, нормы, находившиеся под гнетом, возвращаются в общество. И все же, для того, чтобы проверить это предположение, чтобы точно понять, имеем ли мы дело с воскресающим адатом или же с новой, продиктованной исламом моделью, мы сопоставили результаты ответов по этому вопросу с рядом других. Например, мы спросили наших респондентов о предпочтительной одежде для женщин — и узнали много нового, не только о кавказской моде.

Мы предложили респондентам рассказать о том, как, на их взгляд, должна быть одета женщина на людях. Должна ли она носить полностью закрытый мусульманский наряд, или достаточно традиционного платья с платком? А может ли она быть одета «по-светски»? Стоит отметить, что многие молодые женщины, участвовавшие в опросе, были «закрыты» по «ближневосточной» традиции, что несколько отличается от традиций собственно кавказских. Но и среди тех женщин, которые до сих пор предпочитают одеваться в рамках светской или национальной традиции, многие подчеркивают необходимость перехода именно к закрытому мусульманскому платью. И этот индикатор однозначно говорит о том, что «светскость» на Кавказе убывает — лишь 22,1% участников опроса заявили о том, что считают желательным или хотя бы

допустимым для женщины «светский» внешний вид. При этом 39% опрошенных одобряют традиционный кавказский наряд (скромное платье, платок), а 35% настаивают на необходимости для женщины строго мусульманского платья. При этом здесь снова заметна связь с возрастом респондентов: участники, принадлежащие к старшей возрастной группе, чаще называют светскую форму одежды допустимой (28% против 14% в самой младшей категории). Особенно этот эффект заметен у мужчин: там респонденты старшей возрастной группы вообще в большинстве случаев обозначают светский внешний вид как более предпочтительный:

«Мне женщина женщиной интереснее. А в длинном — не так».

«Женщина, когда выходит, подкрасится там, чтобы вид был нормальный».

Во многих семьях, участвовавших в нашем опросе, мы отметили повторяющийся паттерн: первыми «закрылись» дочери/невестки — затем их примеру последовали матери, еще недавно считавшие такую визуализацию собственных религиозных убеждений опасной для семьи.

Вот яркое свидетельство одной из респонденток:

«— Вы давно хиджаб надели?

— Пятый год.

— В связи с чем надели?

— Я такая модница была. И когда все видят меня в хиджабе, уже ужас. Не знаю. Наверное, мне надо было надеть.

— А вы с кем-то советовались, когда хиджаб решили надеть?

— [Решение приняла] сама. И моя дочка первая надела.

— А когда она? В каком возрасте?

— Она уже 6-й год носит. Ей было 15, когда закрылась. Она сама лично захотела.

— Она на вас оказала влияние?

— Может быть, даже она. Ребенок первый понял. Если честно, многим вещам я у своих детей училась».

Любопытная закономерность: многие из тех женщин, кто в качестве предпочтительной формы одежды выбирают закрытое мусульманское платье, допускают появление второй и последующих жен для своего мужа. И если выбор женщинами мусульманского платья можно было бы объяснить некими модными тенденциями в регионе, то стечение таких обстоятельств доказывает, что перед нами осознанный выбор новой семейной модели.



Инфографика: Алексей Комаров/«Новая газета»

При этом, несмотря на отчетливую исламизацию гендерных отношений, женщины настаивают на своем праве работать, учиться, принимать решения в домашнем хозяйстве — такого мнения придерживаются 76% наших респонденток. И многие мужчины — 57,5% — их в этом поддерживают. Здесь важно принимать во внимание то обстоятельство, что зачастую в кавказских республиках именно женщина обеспечивает постоянный доход семьи, работая в бюджетной сфере или же в сфере обслуживания. В то время как для мужчин работа официанта или, например, мойщика автомобилей часто считается «неприличной». Здесь, безусловно, во весь рост перед нами встает адат — шариат же, возлагающий на мужчину заботу об обеспечении семьи, отходит в сторону, даже в ответах молодой возрастной категории.

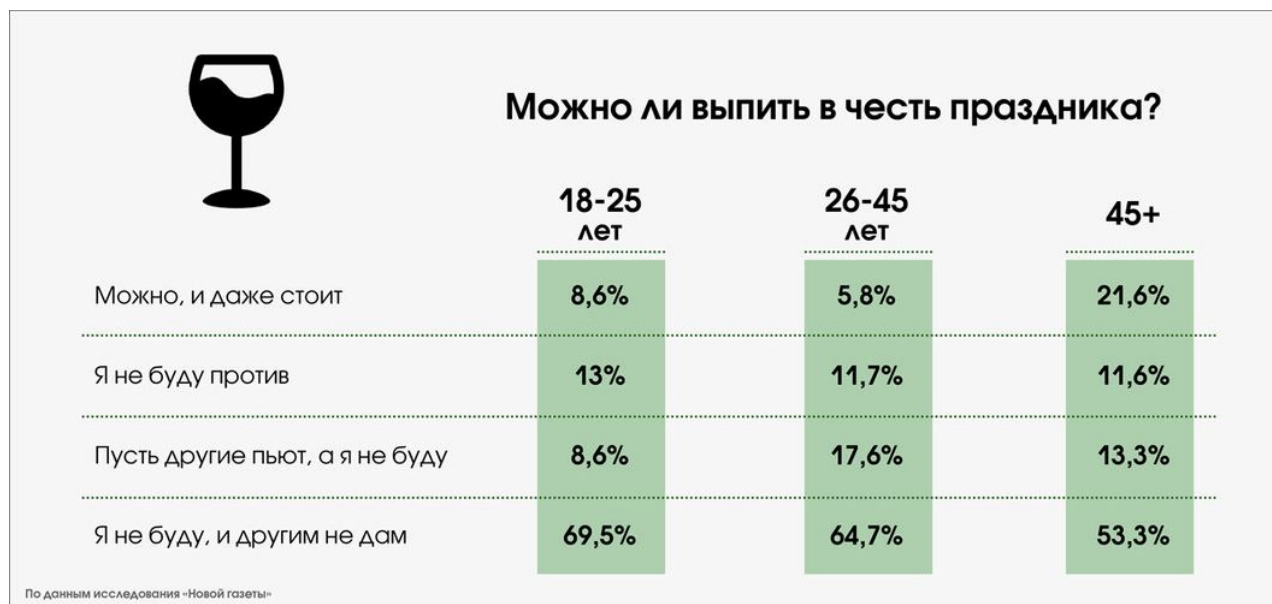
Примечательно, что представители старшей возрастной группы зачастую не проводят различий между адатом и шариатом в своей повседневной жизни, не отделяют одно от другого. Многие из старших участников не смогли ответить на прямой вопрос о том, какие нормы шариата они практикуют. При этом они воздерживаются от употребления нехалальной пищи, соблюдают пост, делают намаз — однако в представлениях людей старшего поколения все эти практики не увязаны с шариатом.

Однако большинство «старших» осознает тот факт, что в жизни общества появляются новые нормы поведения, называют конкретное время появления новых норм и их вектор:

«Мы встали на путь истинный, именно когда Горбачев пришел, и было разрешено поехать в хадж. Мы жили в Грозном. Можно было поехать в хадж, начали создаваться исламские центры и институты по изучению Корана. «А теперь нам надо учить арабский. <...> Арабский нужен, чтобы то, что мы читаем по Корану, чтобы мы знали, что мы читаем, что там сказано».

Интересным индикатором изменений в общественном сознании оказался вопрос о том, как люди относятся к новогодней елке.

57,4% участников опроса (а в Дагестане, например, 69%) заявили о том, что не наряжают елку в принципе, или наряжали ее прежде, а теперь перестали. При этом старшее поколение в большинстве своем приветствует елку, не придавая ей большого сакрального значения (37%). Младшие же зачастую видят в елке чуждый религиозный символ и отказываются от него. Кстати, очень схожие реакции мы видим и в ответах на вопрос о допустимости алкоголя на домашних праздниках: если младшие говорят алкоголю твердое «нет», то старшие часто не против. Впрочем, открыто приобрести спиртное в Чечне, Ингушетии и сельских районах Дагестана — это сегодня непростая задача.



Инфографика: Алексей Комаров/«Новая газета»

Вся власть шариатскому суду

Многие из рассмотренных нами бытовых практик — начиная от фактического запрета на свободную продажу алкоголя и заканчивая легитимизацией полигамных браков — лежат пусть и не за гранью российского закона, но уж точно за гранью понятия «нормы» для условной «средней России». Но «норма» — понятие очень размытое, трудноуловимое. А вот закон и доверие граждан государственным органам власти — это гораздо более конкретные штуки. И мы в нашем исследовании обнаружили весьма невысокий уровень авторитета светской власти в исследуемых республиках. Так, в случае возникновения конфликтной ситуации (например, земельный спор или раздел имущества) лишь 33,6% опрошенных обратились бы в суд или правоохранительные органы. 27,7% участников опроса предпочли бы решить свою проблему с привлечением общинных институтов — стариков из села, совета старейшин и т.п. 38,6% наших респондентов доверяют в конфликтных ситуациях религиозным институтам — муфтияту, шариатскому судье.

О слабости закона и вообще малой надежде на институты государства говорит также существенное одобрение традиции кровной мести — 10,8%, и еще более заметная поддержка необходимости хранения в доме оружия — 39%. (И та, и другая норма предполагается адатом.) Однако адат, в свою очередь, оказывается слабее

наступающих шариатских норм. Характерный мотив, повторяющийся во многих интервью: административным методом упразднен обычай похищения невесты (по сути — принуждения к сексуальным отношениям). Респонденты в целом одобряют подобное редактирование обычая, ссылаясь на его несоответствие подлинной мусульманской традиции: 81,6% опрошенных высказались против практики «похищения невест», хотя еще несколько лет назад такие случаи были нормой жизни кавказского общества.

Суммируем выводы

1. Из всех возможных нормативных систем в российских кавказских республиках сильнее оказывается та, которая апеллирует к религии, и конкретно — к исламу.
2. Проводником новых для региона норм оказывается именно младшее поколение (вопреки кавказской традиции, предполагающей априорное, бесспорное право старших на регламентацию жизни).



Фото:

Владимир Смирнов/ТАСС

Хочу подчеркнуть: в оба эти вывода (как и другие, которые могут последовать из нашей работы) мы не закладывали никакой окраски. Описываемые процессы — не хороши и не плохи. Они объективны.

Однако они имеют колоссальное значение для государства.

По сути, на наших глазах государство померилось силами с другой нормативной системой. И проиграло ей.

Опять же, речь сейчас не идет о том, что лучше: закон шариата или закон российского государства. Мы говорим исключительно о том, что некая система регуляции общественных отношений оказывается людям интереснее, чем та, которую предлагает государство. Кадию они верят больше, чем мировому судье. Детей с большей охотой отдадут в школу хафизов, а не в государственную среднюю.

Интересно, что процессы, аналогичные тем, что происходят на Кавказе, идут (со своими особенностями) и в других регионах, где массово представлено мусульманство. Небольшие татарские городки, волжские деревни, спальные районы городов-миллионников обращаются в ислам. Надевают хиджабы, записываются на курсы арабского в медресе... На этих курсах вы встретите огромное количество русских новообращенных, кстати. Аналогичные процессы характерны и для тюрьмы: российская зона стремительно исламизируется. И это все тот же феномен: люди теряют веру в государство, ищут себе юрисдикцию понадежнее.

<https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/03/28/75968-rossiya-nadevaet-hidzhab>